

ФЕМИНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ПОСЛЕ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР

Философские, литературные и биографические тексты Симоны де Бовуар хорошо известны на Западе, при этом обсуждаются они в самых разных кругах – от литературоведческих до психоаналитических. Но было бы преждевременно сравнивать *effet Beauvoir* – эффекты и последствия распространения её идей в западной академии и у нас: судя по географии интеллектуальных событий в постсоветском пространстве, за исключением нашей скромной попытки осмыслить теоретическое и политическое значение вклада Симоны де Бовуар в становление современной гендерной теории и феминистской философии, других инициатив в русскоязычной академической среде не предпринималось – ни в связи со 100-летием со дня её рождения в 2008 году, ни в связи с 60-летием выхода в свет *Второго пола* в 2009-м. *Tant pis!*

Ситуация с переводами основных работ Симоны де Бовуар на национальные языки в постсоветском пространстве также остаётся весьма неудовлетворительной, следовательно, и контекст для широкого обсуждения её вклада в феминистскую теорию вряд ли можно считать благоприятным. *Второй пол* начали активно переводить на восточно-европейские языки (русский, украинский, литовский и т. д.) лишь в течение последнего десятилетия. Интересно, как выглядел бы *Второй пол* на белорусском языке и насколько велика была бы его потенциальная аудитория... Что же касается переводов других текстов Симоны де Бовуар, то им повезло ещё меньше. Русскоязычной аудитории в этом отношении всё же есть из чего выбирать: на русском языке опубликованы переписка Симоны де Бовуар с Нельсоном Олгреном (под названием *Трансатлантическая любовь*), два или три романа, *Воспоминания благовоспитанной девицы*¹, отдельные статьи (например, эссе о маркизе де Саде). Но всё же встреча со многими другими текстами Бовуар ещё не состоялась – я имею в виду другие романы, другие философские работы (*Старость*, например) и, в том числе – длившуюся много лет переписку с Сартром, интеллектуальную энергию и эмоциональную интенсивность которой трудно переоценить.

Но дело не только и не столько в переводах: существует проблема как нехватки серьёзных (русскоязычных, но не только) исследований в области осмысления её интеллектуального вклада в развитие современной философии и гендерных исследований, так и в целом – понимания смысла и значения основных идей *Второго*

¹ Русскоязычные читатели, возможно, могли узнать об этом тексте Симоны де Бовуар через косвенные источники, которые, однако, являются замечательным примером на тему того, как далеко может простирается значение и в каких контекстах оказывается интересным и познавательным наследие французской исследовательницы (напр., см.: Каста-Розас Ф. *История флирта. Балансирование между невинностью и пороком*. М.: Текст, 2010).

пола.² Эти идеи не вписаны в локальный контекст и остаются в каком-то отношении – бездомными. И эта ситуация вовсе не является случайным примером забвения или незнания; она, скорее, симптоматична, о чём и пойдёт речь ниже.

Начнём с того, что на ситуации с переводами (после 1989 г.) могло сказаться то, что в глазах читающей публики Симона де Бовуар была прежде всего писательницей и лишь затем (и то не всегда) – философом. При этом отношение к её литературным текстам – весьма неоднозначное: нередко встречаются рассуждения о том, что её беллетристика – несколько тяжеловесная в стилистическом отношении, старомодная и т. д. Но каждый, кто читал *Второй пол*, может, вероятно, со мной согласиться – притягательность и убедительность этого текста во многом обусловлена его литературной изысканностью. Проблема письма (как призвания, как дара, как неотъемлемого модуса профессиональной деятельности интеллектуалов) всегда была одной из центральных проблем в её творчестве. То, что со стороны может показаться состязанием двух графоманов (я имею в виду не только объём всего написанного и опубликованного Сартром и Бовуар, но и бросающуюся в глаза нарциссическую многословность их дневников и переписки – такое впечатление, что и в возрасте 25–30 лет каждый из них отдавал себе отчёт в том, что даже самые интимные письма впоследствии могут стать достоянием общественности – так и произошло), в другой системе координат может быть прочитано как непрерывающийся поиск своего Я в письме, забота о максимальной точности мысли, которая нуждается в адекватной форме. Читая, например, переписку Сартра с «Бобром» (*Castor* – такое прозвище закрепилось за Симоной в их близком кругу), понимаешь, до какой степени Симона де Бовуар неотделима от письма. Их переписка – одновременно и публичная и интимная, в ней есть место чувствам, но ещё больше – страсти к философской рефлексии и необходимости признания автономии Другого: что означают, например, их обращения друг к другу – наподобие «*Mon cher petit vous autre*» (в письмах Сартра к Бовуар) или «*Tout cher petit être*» (в письмах Бовуар к Сартру)? Несмотря на то что личные драмы, разочарования и переживания в их жизни вовсе не были постановочными или «неподлинными», но текст, письмо словно обязывают разыгрывать всё это как бы за вторым разом, парадоксальным образом позволяя сохранить верность себе, дистанцируясь не только от сиюминутных обстоятельств (зачастую весьма драматических), сомнений и фрустраций, но также отстраняясь от самого или самой себя, а равно и событийной сцены – с тем, чтобы не дать себе шанса быть поглощённым страстью и сохранить способность к философской рефлексии любой ценой (такое впечатление возникает, например,

² В этой связи хотелось бы вспомнить о той замечательной интеллектуальной работе, которую проделала философ и политолог Светлана Айвазова в процессе подготовки российского издания *Второго пола* и дальнейшей популяризации идей Симоны де Бовуар.

при прочтении сартровских *Дневников странной войны*). Иначе говоря, можем ли мы рассматривать Симону де Бовуар и её *life project* (у меня нет никаких сомнений в том, что она (равно как и Сартр и, быть может, любой философ) сделала свою собственную жизнь произведением искусства) как образец для подражания или хотя бы как повод для размышлений о наших собственных жизнях, о пределах нашей свободы и нашем отношении к своему письму?

Между тем феномен Симоны де Бовуар во многом обусловлен именно её выбором в пользу профессиональных занятий философией, хотя до конца жизни она продолжала размышлять: что же её больше притягивает – философия или литература. Она принадлежала к тому самому первому поколению европейских интеллектуалов, к которому относились и Ханна Арендт, и Симона Вайль, и Маргарет Мид, и Мэри Маккарти и др., кто получил право на образование наравне с мужчинами. Она стала девятой по счёту французенкой, успешно выдержавшей престижный профессиональный экзамен, дававший право на преподавание (*agrégation*), и самой молодой (независимо от пола) из всех *agrégée* в области философии. Но на протяжении всей жизни ей пришлось доказывать, что это не было бескорыстным даром судьбы и что своё (неженское?) «предназначение» она выполнила целиком.

По иронии судьбы, во время визита в СССР в 1965-м было несколько случаев, когда в прессе о ней говорили всего лишь как о (безымянной) спутнице Сартра, а в некоторых, особо курьёзных, случаях и вообще низводили её роль до сартровской тени: такова, во всяком случае, история со знаменитой фотографией, сделанной известным литовским фотографом Антанасом Суткусом во время посещения Сартром и де Бовуар Ницы. Одинокий «философ в песках», не склоняющий головы перед встречным ветром и спешащий навстречу (жизненным) волнам и дюнным пескам, – это Сартр, а Бовуар, которая идёт рядом с ним (и на негативах они оба были включены в рамку кадра), осталась на этой фотографии в виде косой тени справа от Сартра (долгое время эта тень интерпретировалась как злоевищий призрак неотступно следующего за французским интеллектуалом агента КГБ).³

Как бы то ни было, Симона де Бовуар в творческом союзе с Сартром в глазах дальней публики всегда была второй, чему способствовала и сама Бовуар, говоря о себе: «вторая только после Сартра», – что в глазах многих феминистских теоретиков выглядело как интеллектуальный изъян и признание ею собственной несамодостаточности.⁴ Каноническим зачином к рассуждениям

³ Свои воспоминания о визите в СССР Симона де Бовуар опубликовала в: Beauvoir S. de. *Tout compte fait*. Paris: Folio, 1972. История с фотографией Суткуса, равно как и в целом отклики на визит Сартра и Бовуар в Литву (в рамках визита в СССР), явились предметом отдельного рассмотрения в докладе литовской исследовательницы Сольвейги Даугирдайте, представленном ею на нашей конференции в июне 2009 г.

⁴ Moi T. *Simone de Beauvoir: The Making of an Intellectual Woman*. Blackwell, 1994. P. 23.

о *Втором поле* является непереносимое упоминание того, что идею книги ей подсказал Сартр и что именно он «настаивал» на её публикации, а также, что она его «не подвела» и обещание выполнила. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже во Франции, например в словаре *Le petit Larousse*, изданном в 1974, Симона де Бовуар упоминается как «*femme de lettres*» и затем, через запятую, как... ученица Сартра. Эта «вторичность», или «второстепенность» Симоны де Бовуар на самом деле имела под собой вполне конкретные основания – поскольку на том, самом решающем в её жизни, экзамене, дававшем право на профессиональное «самоосуществление», её номинировали на второе после Сартра место (при этом председатель комиссии отметил, что Сартр отличается блестящими интеллектуальными способностями, а Симона де Бовуар – «прирождённый философ»)⁵. И именно этот биографический факт, наряду с осознанием собственной неординарности и исключительного места в интеллектуальной истории, подразумевается самой лингвистической конструкцией фразы: «Вторая *только* после Сартра». К слову, обсуждению этой «привилегированности», равно как и интерпретации самого понятия «привилегия», посвящена открывающая этот тематический выпуск нашего журнала статья Женевьев Фрэсс.

Некоторые идеи, попадая в положение *travelling concepts*, оказываются несвоевременными (и в этом смысле неактуальными) – в силу того, что они значительно опережают своё время, другие – навсегда устаревшими (в зависимости от социального и политического контекста их рецепции). Что мы можем сегодня сказать о Симоне де Бовуар в этой исторической перспективе? Авторы статей, публикуемых в этом номере, не пытались произвести скрупулёзную каталогизацию её идей, но вопрос о том, в какой степени феминистская мысль (начиная отсчёт, как минимум, со *Второго пола*) оказалась в состоянии произвести значимые теоретические концепты, являлся центральным вопросом при подготовке номера.

Второй пол можно, пожалуй, считать главным феминистским текстом XX века⁶, и несмотря на то что для самой Симоны де Бовуар её отношение к феминизму как к политическому проекту эмансипации женщин всегда оставалось проблематичным (учитывая её собственные философские и политические предпочтения в пользу экзистенциализма и социализма⁷), всё же по сей день эта работа

⁵ Более подробно см.: Айвазова С. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Бовуар С. де. *Второй пол*. М.: Прогресс, 1997. С. 14.

⁶ Некоторые исследователи указывают на то, что по своему значению *Второй пол* сопоставим с *Женской мистикой* Бетти Фридан, и тем самым оба текста составляют концептуальное ядро второй волны феминизма, которая, к сожалению, прошла мимо нас.

⁷ При этом вместо коллективного «мы», значимого как в марксистской теории, так и в феминистском движении, Симону де Бовуар больше интересовала ситуация индивидуального Я, способного к самоосуществлению – к последовательной реализации установки на подлинность бытия.

рассматривается многими как наиболее «полное историко-философское исследование о положении женщины» от «сотворения мира и до наших дней»⁸. Я думаю, что когда об этой книге говорят как о *Библии* феминизма, то имеют в виду её неисчерпаемость и возможность постоянного возвращения к ней для переосмысления тех или иных вечных или сиюминутных вопросов.⁹ Это революционный текст, который изменил взгляды многих женщин, побудив их к размышлению о том, что, несмотря на биологическое различие между мужчиной и женщиной, не существует никакой «тайны пола» и никакого специфического, определённого природой, женского удела, – и что в основании извечной мифологии женского предназначения лежит конфликт между «изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти»¹⁰.

Учитывая, как важно было для представителей второй волны феминизма сформулировать аргументированную теоретическую программу для обоснования необходимости решительной «перемены участи» женщин в современном обществе, осуществлённый Симоной де Бовуар анализ истории философских заблуждений, культурных мифов, идеологических догм и житейских предрассудков в отношении обоих полов (нередко фигурирующих в качестве либо «естественного» закона, либо исторического априори) в самом деле открыл совершенно новую перспективу для критической рефлексии по проблемам пола, сексуальности и равноправия. Открытие такой перспективы стало возможным благодаря ясно очерченной и последовательно отстаиваемой философской позиции. Опираясь на принципиально важный для экзистенциализма тезис о том, что «существование предшествует сущности», Симона де Бовуар доказывает, что неравенство в истории связано не с пресловутой женской сущностью¹¹, но с особенностями *существования*, то есть с теми экономическими, политическими и социальными условиями, а также культурными предрассудками и стереотипами, в силу которых женщина всегда оказывается на вторых ролях.

⁸ Айвазова, указ. соч., с. 16.

⁹ Возможно, не в этой жизни, но где-то в далёком будущем можно попытаться представить себе ситуацию, когда на каком-нибудь телевизионном ток-шоу об отношениях между полами в ответ на вопрос о том, разве за желанием выглядеть привлекательно (носить высокие каблуки, делать маникюр и использовать макияж) не стоит «естественное» желание нравиться представителям противоположного пола, вдруг можно будет услышать ответ из зрительского зала: «Женское очарование предполагает, что трансцендентность сходит до уровня имманентности и выражается лишь в едва заметном трепете плоти; следует превратиться в добычу, не осознавая себя таковой» (Бовуар, указ. соч., с. 764).

¹⁰ Айвазова, указ. соч., с. 15.

¹¹ Остроумно и предельно точно она формулирует серию провоцирующих вопросов относительно таинственной сущности под названием «женственность»: «Её что, выделяют яичники? Или она застыла где-то на платоновском небосводе? И довольно ли шуршащей юбки, чтобы спустить её на землю?»; см.: Бовуар, указ. соч., с. 25.

Не прочитав эту книгу, невозможно понять, в полемике с какими идеями и теориями сформировался главный и наиболее часто цитируемый тезис феминистской философии «становления» – «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». К моему большому сожалению, усвоение этого тезиса «на лету» и без должного осмысления нередко подменяет вдумчивое и неспешное прочтение этой стилистически отточенной и философски кропотливой теоретической работы. Но такова, вероятно, судьба и многих других «мудрых мыслей», вошедших в тот или иной канонический цитатник, как из области философии, так и других областей социального и гуманитарного познания.

Немного о предыстории данной публикации: в июне 2009 Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета и Институт философии, культуры и искусства (Литва), при содействии Французского культурного центра (Литва¹²) и программы *LitPRO*¹³ (ЕГУ), провели международную конференцию, посвящённую осмыслению теоретического наследия Симоны де Бовуар и его роли в формировании современной феминистской философии. Среди участников конференции были известные феминистские исследователи из разных стран, тексты которых представлены в данном тематическом выпуске журнала *Топос*¹⁴, в том числе Женевьев Фрэсс (Франция), Мэри Хоуксворт (США), Линда Фишер (Венгрия) и др.

Несмотря на всю значимость этих юбилейных дат, причины, побудившие нас организовать конференцию, а также сделать тематические номера философских журналов *Топос* и *Athena*¹⁵ (издаваемый в Литве), глубже, сложнее и травматичнее. Нам хотелось воспользоваться этим поводом для того, чтобы обсудить целый ряд других, хотя и тесно связанных с наследием Симоны де Бовуар, вопросов. В первую очередь это касается проблемы инкорпорирования и ус-

¹² Хотелось бы, пользуясь случаем, выразить нашу глубокую признательность господину Паскалю Ансу, директору Французского культурного центра в Вильнюсе, за всемерную поддержку и неподдельный интеллектуальный интерес к данному событию.

¹³ Отдельные слова благодарности хотелось бы адресовать Надежде Гусаковской, руководителю проекта *LitPRO*, поскольку без поддержки *LitPRO* вряд ли мы смогли обеспечить значимый для всех нас принцип полиязычия во время самой конференции (рабочими языками конференции были английский, французский, русский, литовский), равно как и перевод русскоязычных текстов на литовский для публикации в Литве.

¹⁴ Следует заметить, что в данном номере представлены далеко не все из обсуждённых докладов, но в то же время некоторые тексты писались другими авторами специально для данного выпуска – и значительно позже.

¹⁵ Тематический номер журнала *Athena* (в качестве редактора которого выступила наша литовская коллега Аудроне Жукайскайте) выходит на литовском языке и практически одновременно с данным номером *Топоса*, но содержательно и по составу авторов эти издания отличаются друг от друга.

воения феминистских идей в современной философии, которая всё ещё, к сожалению, во многом остаётся патриархальным доменом власти и знания. Можно, в частности, задаться вопросом о том, почему феминистская философия в лице Симоны де Бовуар, Джудит Батлер, Розы Брайдотти, Элизабет Бадинтер, Кажи Силверман, Сары Кофман, Люс Иригарей, Сандры Хардинг, Элизабет Гросс и других теоретиков систематически (хотя зачастую и неосознанно) отторгается традиционалистским философским сообществом?¹⁶ Судить об этом можно по целому ряду признаков¹⁷ – от индекса цитирования среди теоретиков, принадлежащих к одному профессиональному сообществу, до содержания учебных программ и даже места на полках в книжных магазинах (даже в англоязычных книжных магазинах тексты феминистских теоретиков скорее всего окажутся только на полке с книгами по гендерным исследованиям, но не на полках с работами по философии).

Однако вопросов на самом деле гораздо больше, например: почему феминистский взгляд на специфику познающего субъекта и на проблемы познания как социального феномена остаётся во многом экзотическим и практически неизвестным большинству философов? Почему в публичных и философских дискуссиях о биотехнологиях позиция гендерных исследователей остаётся не просто маргинальной, но зачастую и вовсе не представленной? Почему позиции женщин-интеллектуалок систематически подчиняются одной и той же, схожей по риторике и однообразной по аргументации («те же самые грабли?»), модели критики?

Пожалуй, здесь стоит дать некоторые пояснения – о какой «модели» критики идёт речь. Начну с самого простого и в то же время очень типичного для многих постсоветских университетов случая: сценарии защиты кандидатских и даже докторских диссертаций (и не только по философии – в области естественных наук ситуация, возможно, выглядит ещё более драматично). В случае если соиска-

¹⁶ Конференция предшествовала почти хулиганская выходка (это как посмотреть – можно это считать и полевым мини-исследованием) – конкурс-викторина для студентов ЕГУ под названием «Does Philosophy Have Sex»? Примерно за месяц до конференции мы разместили на досках для объявлений в учебном корпусе ЕГУ неподписанные фотографии и живописные изображения наиболее известных женщин-философов с предложением атрибутировать эти портреты; стоит ли удивляться тому, что среди победителей не оказалось студентов департамента философии?

¹⁷ Не так давно философская программа Центрально-Европейского университета в Будапеште отмечала своё 10-летие. Посмотрев на программу открытых лекций и других торжественных мероприятий, я не увидела ни одного женского имени среди докладчиков (как потом оказалось, «гендерный дисбаланс» на этой программе составляет 1 к 10, в пользу преподавателей-мужчин) и ни одного доклада, который хоть косвенным образом затрагивал бы проблемы пола и сексуальности, и, таким образом, даже в университете, где настолько сильны традиции и высок престиж гендерных исследований, философскому департаменту удалось сохранить свою теоретическую «невинность».

тель – мужчина, вопрос о его половой принадлежности, наличии или количестве детей, равно как и о сексуальной ориентации, не возникает. Но в случае если диссертацию защищает молодая одинокая женщина, к тому же с нетрадиционной сексуальной ориентацией (выводы об этой ориентации иногда делаются на основе суждений вкуса – соответствуют или не соответствуют моделям традиционной феминности внешний вид, *dress-code* и манера поведения диссертантки), то вся процедура защиты приобретает совершенно иной характер. Отношение к претендентке на получение научной степени со стороны Совета по защите оказывается гораздо более снисходительным, если молодая женщина успела выполнить свой долг перед социумом (выйти замуж и обзавестись потомством), если же нет – тем хуже для неё: защита не только затягивается, но и переходит на уровень фамильярных пожеланий – сначала выйти замуж и родить детей, а потом уже на защиту выходить. (К сожалению, мне приходилось слышать немало подобных историй от коллег из России и других постсоветских стран – и странно, что, кроме самих диссертанток, никто больше не находит эти истории нелепыми и противоречащими всем представлениям о нормах академической коммуникации...)

Возвращаясь к Симоне де Бовуар, стоило бы вспомнить о том, что её работы – как теоретические, так и литературные, как при жизни, так и после смерти, – постоянно оказывались объектом ожесточённых нападков со стороны традиционалистски настроенных критиков. И самое досадное состояло как раз в том, что в большинстве своём эти нападки представляли собой не конструктивную содержательную критику, которая была бы нейтральна по отношению к полу автора, а совсем наоборот. Ироничную и проницательную Симону де Бовуар упрекали в наивности и простодушии(!), в том, что она, как ребёнок, не отдаёт себе отчёт в эффектах сказанного или написанного ею. С особым удовольствием её обвиняли в невежестве и, в конечном счёте, с сарказмом выносили ей приговор как «фальшивому интеллектуалу» (Торил Мои пишет о том, что некоторые критики изобличали Симону де Бовуар как «*epistemological impostor*»).¹⁸ Говоря в общем и целом, «случай» Симоны де Бовуар является и сегодня весьма поучительным: женщинам по-прежнему приходится отстаивать право на занятия интеллектуальной деятельностью, и особенно – в области философии. Это право приходится отстаивать как в ближнем кругу (на уровне семьи – в силу сложившихся неписаных правил, касающихся организации семейной жизни и повседневного домашнего труда), так и в более широком – в контексте институциональной организации университетской жизни и сложившихся в академии традиций.

Много лет назад автору этих строк довелось присутствовать на заседании Совета факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета: декан факультета, обозначая основные «вызовы»

¹⁸ Более подробно см.: Moi, *op. cit.*, p. 92.

времени в свойственной для 1990-х парадигме кризисного мышления, в том числе, сказал и о том, что одной из основных проблем факультетской жизни является «феминизация философии». Он, вообще говоря, имел в виду проблему «гендерного дисбаланса» в профессорско-преподавательском составе факультета, но отдавал ли он себе отчёт в том, что на самом деле стоит за этой тенденцией? Какие социоэкономические реалии и структурные изменения в академической сфере определяют этот «медицинский факт»? Насколько эта тенденция отражает весь спектр проблем в системе высшего образования? Идёт ли речь о специфической ситуации постсоветских университетов, или необходимо ставить вопрос шире – например, о статусе гуманитарных наук, и философии в частности, в современном университетском образовании вообще? Что делают выпускники обоего пола с философскими дипломами на рынке труда? Каково положение и перспективы выживания философии в ориентированном на высокотехнологичное производство «обществе знания»? Кто выполняет низкооплачиваемый и непрестижный труд на nive высшего образования в постсоветских университетах? Имеет ли отношение эта ситуация к феномену «феминизации бедности»? Как связаны гендерная сегрегация в учебных заведениях – где преподаватели гуманитарных дисциплин сплошь и рядом женщины, но при этом их по-прежнему крайне мало среди руководителей – и проблема производства знания?

Давайте задумаемся, почему так мало *признанных* в постсоветском академическом сообществе женщин-философов в соотношении с общей численностью профессиональных философов (и выпускников философских отделений)? Впрочем, учитывая то, насколько велико количество преподавателей гуманитарных дисциплин в постсоветских странах и насколько в целом (не статистически, но содержательно) незначителен *кнд* их научной деятельности (особенно в глобальном контексте), «невидимость» женщин-авторов в этой ситуации выглядит, в самом деле, как эпифеномен более сложной проблемы. А может быть, декан имел в виду нечто совершенно определённое? Что философия – не женское дело...

Таким образом, в рамках интересующей нас здесь проблемы – об отношениях между феминистской теорией и философией – можно было бы обозначить два основных ракурса обсуждения этой темы.

Во-первых, имеется в виду маргинальный (если не сказать *queer*) статус феминистской теории в рамках философского образования. Да, несомненно, в рамках спецкурсов гендерная проблематика присутствует и на философских факультетах¹⁹, но если мы посмотрим на содержание учебных планов по истории философии²⁰ или

¹⁹ На эту тему более подробно см.: Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // И. Жеребкина (ред.) *Введение в гендерные исследования*. Ч. I. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 390–426.

²⁰ Для того чтобы написать *другую* историю философии, следовало бы, вероятно, начать с реконструкции генеалогии феминистской

отдельным областям философского знания, то мы, фактически, не увидим в нём ни женских имён (за исключением, пожалуй, Ханны Арендт), ни соответствующим образом сформулированных тем – и второе гораздо более важно.

В некотором роде, это закономерное положение дел, поскольку здесь обнаруживается «конфликт интересов» (касающийся соотношения априорного и апостериорного знания, универсального и партикулярного и т. д.), о котором более подробно идёт речь в публикуемой в этом номере статье Мэри Хоуксворт. Американская исследовательница обращает наше внимание на те специфические особенности, которые конституируют разрыв между феминистской теорией и философией как институционализированной формой знания. Обращаясь к идеям Симоны де Бовуар, Мэри Хоуксворт отмечает, что Бовуар смещает традиционную аналитическую рамку, оставляя в стороне дискурс о женской «природе» и переходя к исследованию социальных значений, культурного контекста, а также политических интересов, которым подчинены те или иные теории женственности. При этом, пишет Мэри Хоуксворт, «разрабатывая новую стратегию в феминистской теории, Бовуар сопротивляется философской тенденции к тотальному обобщению», настаивая на том, что «ничего, что касается тела, не дано априори».

В дополнение к вопросу об укоренённости дискурса о «женской природе» в философском образовании: как правило, в учебных программах по философии в постсоветских вузах место для «женской» проблематики (или шире – для обсуждения проблем пола, сексуальности и телесности) зарезервировано в рубрике «Метафизика пола». Очевидно, что сама формулировка предполагает «облагораживание» темы пола, придание «ему» статуса объекта, достойного философской рефлексии, и не менее очевидно, что в качестве ключевых авторов будут предложены, например, русские религиозные философы конца XIX – начала XX вв., но не работы феминистских теоретиков (к счастью для них). Для гендерного теоретика подобная тематизация немедленно считывается как идеологически очень консервативная, поскольку такая постановка проблемы блокирует саму возможность обсуждения темы сексуальности (и власти). Как отмечает в своей статье украинская исследовательница Ольга Плахотник (см. также в этом номере журнала), в рамках этой темы мы сталкиваемся с непреодоленностью «бинарной альтернативы мужского/духовного и женского/душевного» и стратегией «символизирования пола, логической основой которой выступают “метафизика сущности и принципы универсализма”». Иначе говоря, под маской метафизики прячется биологи-

философии, по крайней мере, с женщин – авторов эпохи Ренессанса (правда, благодаря кинематографу многие рядовые зрители теперь уже догадываются, что можно начать этот отсчёт и с Гипатии Александрийской (я имею в виду фильм «Агора» (2009) Александром Аменабара)... впрочем, и у библейской Евы была своя собственная версия «философии жизни»☺).

ческий детерминизм (что, в общем-то, и не случайно – поскольку и в том, и в другом случае мы имеем дело с эссенциалистской трактовкой идентичности субъекта).

Во-вторых, проблематичным является и место философии в рамках гендерных исследований, несмотря на то что феминистские практика и политика получили своё теоретическое осмысление именно в работах женщин-философов (начиная с Симоны де Бовуар и переходя к Брайдотти, Гросс, Батлер и другим, включая постсоветских теоретиков – таких как Ирина Жеребкина). Связано это в первую очередь с тем, что исследования *«real world issues»*, столь значимые для гендерной теории, располагаются за пределами философского дискурса – в области эмпирически ориентированных социологических, антропологических и исторических исследований взаимосвязи между полом, расой и классом. Хотя, на мой взгляд, без систематического анализа концептуальных/идеологических оснований любого патриархатного дискурса или сексистской практики гендерные исследования не смогли бы продвинуться дальше обобщений среднего уровня. Более того, на мой взгляд, философия даже в сегодняшнем прагматичном мире по-прежнему несёт «ответственность за производство концептов, позволяющих «увидеть» (распознать) и затем объяснить социальные проблемы, и эти концепты затем оказываются востребованы в других дисциплинах (даже если стороннему наблюдателю кажется, что философия как умозрительная деятельность сегодня совершенно бесполезна). Так вот, именно в производстве нового знания заслуги феминистской философии, как мне кажется, особенно заметны.

Заявляя тему конференции, мы рассчитывали на то, что в её рамках нам удастся рассмотреть или хотя бы затронуть в первом приближении такие проблемы как: *«Becoming Woman»*: вклад феминистских исследователей в современную философию; личное и политическое в философии экзистенциализма; современные прочтения, переводы и рецепция идей Симоны де Бовуар в Восточной Европе; метафизика и повседневность – о трансцендентном и преходящем в философской мысли; автобиографическое Я в интеллектуальной истории феминизма; феминизм и политическая философия сегодня; феминистская эпистемология; гендерные предпочтения в жанрах философского письма: философия и/или литература; от Тулли Д'Арагоны и Луиз Лабе до Люс Иригарей и Юлии Кристевой – философские интерпретации феномена любви; философия детства: опыт взросления и формирования гендерной и интеллектуальной идентичности в философских исследованиях; сексуальное различие и телесный опыт как объекты философского анализа; философские институции – феминизм как вызов?

Стоит ли говорить, что нам удалось осуществить далеко не всё из задуманного; с другой стороны, лиха беда – начало.

Альмира Усманова